

А.Э. КОНТОРОВИЧ

Фоторепортаж
Владимира Дубровского

ИСПОВЕДЬ

МОНОЛОГ

ГЕОЛОГО- РАЗВЕДЧИКА...

КОНТОРОВИЧ Алексей Эмильевич — действительный член РАН, доктор геолого-минералогических наук, председатель Научного совета РАН по проблемам геологии и разработки месторождений нефти и газа, директор Института геологии нефти и газа СО РАН (Новосибирск). Член совета директоров ОАО НК «ЮКОС».

Главный редактор журнала «Геология, геофизика и разработка нефтяных и газовых месторождений», заместитель главного редактора журнала «Геология и геофизика».

Награжден орденами Трудового Красного Знамени, «За заслуги перед Отечеством» IV степени, орденом Почета, медалью «За освоение недр и развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса», званием «Заслуженный геолог РСФСР», «Почетный разведчик недр» и другими наградами. Лауреат Государственной премии РФ (1994), Премии правительства РФ (2002), Премии им. А.Н. Косыгина (2003), Премии им. академика И.М. Губкина АН СССР (1974). Автор и соавтор более 500 научных работ, имеет 4 изобретения и 3 патента.

А. Э. Конторович — известный специалист в области геологии нефти и газа, органической геохимии, математической геологии. Он внес значительный вклад в развитие теории нефтидогенеза — происхождения нефти и газа, вместе с академиками А. А. Трофимукком, В. С. Сурковым и другими, научно обосновал и открыл нефтегазоносность докембрия Восточной Сибири. Активный участник открытия и освоения крупнейших нефтегазоносных провинций: Западно-Сибирской, Лена-Тунгусской и Хатангско-Виллюйской. При его участии в 1970–1980-е гг. были разработаны комплексные программы развития геологоразведочных работ на нефть и газ в нефтегазоносных провинциях Западной и Восточной Сибири, Якутии. В последние годы А. Э. Конторович активно участвует в разработке стратегических социально-экономических документов, являясь одним из авторов «Энергетической стратегии России», «Стратегии экономического развития Сибири» и многих других документов, посвященных социально-экономическому развитию регионов Сибири.

Большой заслугой А. Э. Конторовича стало создание в 1997 г. Института геологии нефти и газа (в составе Объединенного института геологии, геофизики и минералогии СО РАН им. А. А. Трофимукка), который за эти годы приобрел известность и авторитет не только в России, но и за ее пределами. Заведя кафедрой месторождений полезных ископаемых Новосибирского государственного университета, профессор Конторович принимает активное участие в подготовке будущих ученых-геологов. Под его руководством защищено более 70 кандидатских и 20 докторских диссертаций.

По образованию я — физик. И, наверное, получился бы из меня неплохой физик. Но судьба распорядилась так, что уже в 1958, через два года после окончания Томского государственного университета, я пришел в отраслевой геологический институт — СНИИГиМС (Новосибирск).

Почему так случилось? Проблема излишне политизированная, и бывшим советским людям, увы, хорошо знакомая...

Итак, геохимией нефти, вопросами ее образования, геологией Западной Сибири я начал заниматься с конца пятидесятых. Постепенно круг моих интересов расширился совершенно естественным образом, так как геология вообще и геология нефти и газа в частности — очень много-

плановая область деятельности человека... С одной стороны, это наука, а с другой — производство.

Единственным отраслевым министерством у нас в стране, которое содержало в своем наименовании название науки, было Министерство геологии. В геологии научный, исследовательский процесс очень плавно переходит в производство. Были и есть, разумеется, в отечественной геологической науке чистые теоретики, всемирно известные и признанные, например один из моих учителей, член-корреспондент АН СССР Н.Б. Вассоевич. Но Сибирь с ее сверхбогатыми недрами породила другую генерацию ученых, не разделяющих в своей работе этих двух ипостасей геологии. Вот и я — хотя фундаментальные проблемы меня волнуют чрезвычайно — две трети рабочего времени отдаю, как и мои коллеги по институту, очень востребо-

2 года
8 месяцев

А.Э. Конторович родился в Харькове (Украина), в школьные годы жил в Прокопьевске (Кемеровская обл.), высшее образование получил в Томском государственном университете. С 1958 г. живет и работает в Новосибирске

Томский университет

1939 г.

ванным сей-

час прикладным аспектам геологии.

Если кратко перечислить мои «академические привязанности», это во-первых, теория образования нефти и газа, а также эволюция механизмов их образования. Последний аспект, как мне кажется, до меня никто не обсуждал. Хотя какие-то отдельные фрагменты и высказывания по этому поводу можно найти у Владимира Ивановича Вернадского, Ивана Михайловича Губкина и Николая Брониславовича Вассоевича.

Область теории, которую я разрабатывал весьма глубоко, — органическая геохимия. Известно, что у геологов существует две теории, два мнения относительно генезиса нефти, взаимно исключающие друг друга. Одни утверждают, что нефть образовалась абиогенным путем, в результате синтеза неорганических соединений в глубоких

слоях земной коры — из углерода, водорода и других элементов. Другие считают, что нефть образовалась из органического вещества, точнее, из жировых его компонентов, так называемых липидных комплексов, играющих большую роль в жизни каждой живой клетки и живого организма. Это и моя точка зрения.

Дело в том, что все живое на Земле устроено по одному и тому же закону: биохимия живого вещества от простейшего организма до *Homo sapiens* принципиально одинакова. Поэтому нефть с возрастом 1 млрд 400 млн лет и нефть с возрастом 50 млн лет в сущности своей не отличаются одна от другой. Но живое развивалось, и состав нефти, из него образовавшейся, «эволюционировал» тоже. Жизнь на нашей планете зародилась 3,5 млрд лет назад — это была морская, простейшая жизнь, высшей наземной растительности тогда не существовало. И когда жизнь вышла на сушу, то появилось огромное количество новых экологических ниш, которые сначала стали «генерировать» жизнь, а потом нефть...

Есть палеонтологические остатки, по которым геологи устанавливают возраст осадочных комплексов, и есть химические фрагменты молекул, по которым мы раскрываем биографию нефти. Это как отпечатки пальцев, даже есть выражение — «химические отпечатки пальцев». Вот ведь люди с годами меняются, но ребенок, взрослый и старый человек — один и тот же, хотя внешне выглядит по-разному. Так же по составу нефти я могу сказать, сколько она прожила и что пережила. Была у нее «тяжелая» жизнь или «легкая». Образовалась она из высшей наземной растительности или из живого вещества планктона и бактерий, при высоких температурах или при низких... Замечу, что терминология в геологию пришла из областей знаний, изучающих ископаемые и живые организмы. Так, ископаемые углеводороды, которые изучаем, называем «биомаркеры» или «хемофоссилии».

Я часто говорю студентам на лекциях: представьте, в окрестностях нашей планеты появились некие инопланетяне и хотят понять, что из себя представляет жизнь. Можно ли, наблюдая за Землею из космоса и не изучая живую клетку, живой организм, его функционирование, понять жизнь? — Конечно, нет! Так и нефть. Нельзя понять ее природу, если ты не изучил строение ее молекул, не понял,

ты не изучил строение ее молекул, не понял,

как они об-

разовались. Вот поэтому гео-

химия нефти в осадочных породах, а не нефти как объекта переработки — это еще одно направление моей деятельности, если говорить о фундаментальных исследованиях.

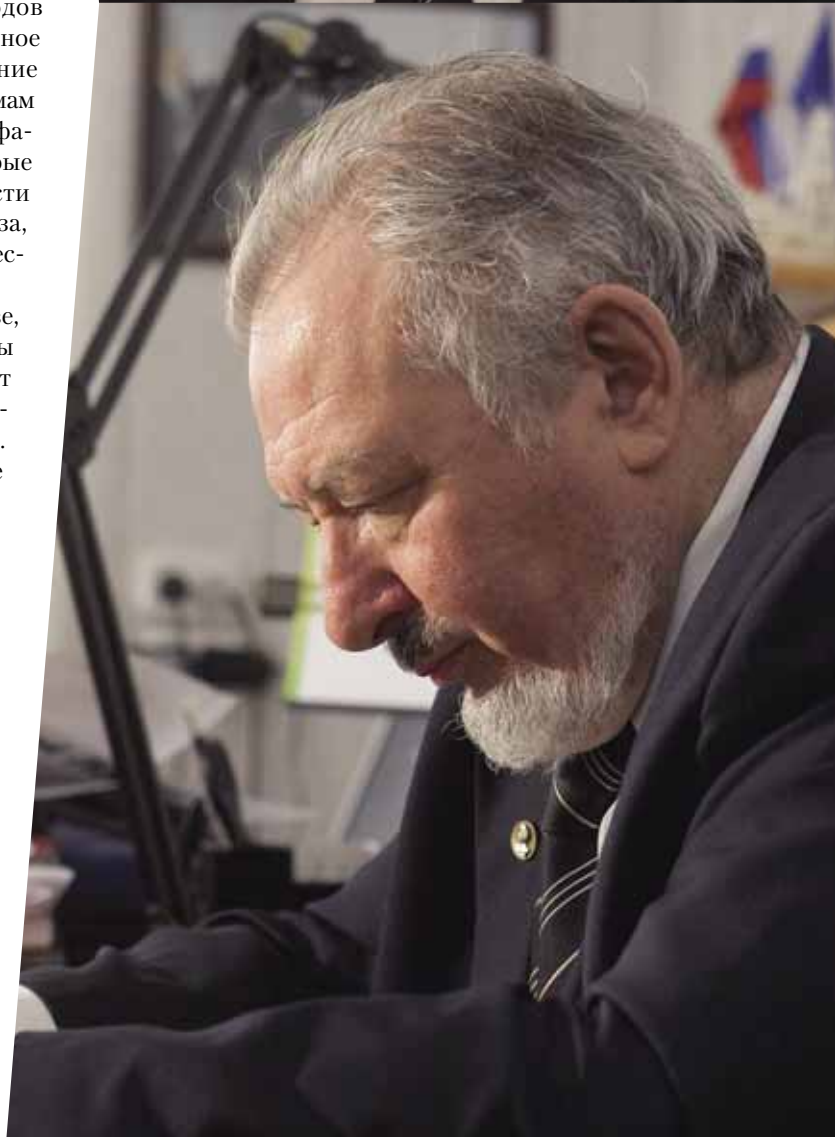
Второй крупный блок вопросов, которому я посвятил достаточно длительный период работы, — это теория прогноза и поиска месторождений нефти и газа. Причем здесь есть своя внутренняя специфика. В Западной Сибири нефть относительно молодая (ей 70–80 млн лет), а в Восточной Сибири — на пространстве между Енисеем и Леной, на Сибирской платформе, — нам удалось найти самую древнюю на планете нефть с возрастом 1 млрд 400 млн лет. Так вот, в теории и методике прогноза месторождений нефти и газа по двум этим регионам есть существенные различия: фактор геологического времени здесь играет огромную роль.

Третья область, которой я занимался с середины 1960-х гг., — это некоторые аспекты математической геологии. Применение математических методов к решению геологических задач и имитационное математическое (компьютерное) моделирование геологических процессов. Интерес к этим проблемам спровоцировала, очевидно, моя учеба на физфаке — тянуло к родному. Ряд результатов, которые мне и моим ученикам удалось получить в области прогноза и поиска месторождений нефти и газа, опирался на широкое использование математического аппарата.

Это было актуально и при плановом хозяйстве, и при нынешних рыночных отношениях. Чтобы прогнозировать, необходимо понимать, как будет развиваться процесс. Ну вот, скажем, мы хотим добывать 300 млн тонн нефти в Западной Сибири... Какие для этого надо предпринять усилия? Какие объемы геологоразведочных работ выполнить? Где и каким образом проводить геофизические исследования и глубокое бурение? Сколько это потребует ассигнований? Каковы риски? Все это, если ты знаешь геологоразведочный процесс и выстроил его теорию, вполне поддается математическому моделированию.

Далее, крупный раздел геологии, без которой эта наука немыслима, — региональная геология. Изучение конкретных геологических объектов. Нам, сибирским геологам, крупно повезло: мы работаем в двух таких уникальных нефтегазоносных регионах, как Западная и Восточная Сибирь. И это еще один большой сегмент моей работы.

Я начал с того, что в геологии между теорией образования нефти и тем,

Алик с отцом, матерью и бабушкой Е. А. Сариянаки

Школьные товарищи

как найти месторождение, барьера нет. Это непрерывный переход. Меня всегда интересует конкретный геолого-разведочный процесс. С начала 1960-х гг.

и по сей день я работаю с практическими геологами. Многие из крупнейших отечественных специалистов в этой сфере — мои соратники и большие друзья.

У нас, сибиряков, это идет, наверное, от таких выдающихся геологов-нефтяников, которых я считаю своими учителями, как Андрей Алексеевич Трофимук, Фабиан Григорьевич Гулари, Николай Никитович Ростовцев. Жизнь без нефтеразведочных экспедиций, без работы с керном, без анализа результатов геологоразведочных работ мне кажется неинтересной. Я всю жизнь занимаюсь этим. Многие из моих учеников в прошлом были главными геологами нефтеразведочных экспедиций, геологических объединений. Мы вместе решали практические задачи. Я считаю, в науке не может быть теории, которая не опиралась бы на практику. Наука должна выходить из эксперимента и, пройдя стадию анализа, возвращаться в эксперимент.

Вот три огромных — и самостоятельных часто — поля, на которых мне приходилось работать: разнообразные

теоретические проблемы геологии нефти и газа; теория прогноза, поиска, разведки месторождений нефти и газа и конкретная поисково-разведочная геология.

Что мы имеем в Восточной Сибири

В конце 1970 — начале 1980-х гг. руководство бывшего Министерства геологии СССР выбрало нескольких ученых, которым было поручено отвечать за разведку ряда крупнейших в Советском Союзе месторождений. К примеру, Григорий Аркадьевич Габрильянц, мой ровесник и большой друг, последний министр геологии СССР, отвечал за разведку гигантского и уникального Астраханского месторождения. Другой мой друг — Алексей Николаевич Золотов, начинавший свою практическую деятельность в Иркутской области, курировал разведку очень крупного месторождения в Казахстане (Карачаганак), настоящей

нефтегазовой жемчужины. Иван Иванович Нестеров, член-корреспондент Российской Академии наук, руководил разведкой ряда месторождений в Западной Сибири. А я был, как всегда, «сослан» — брошен на Восточную Сибирь. Отвечал за разведку Верхнечонского и Дулисьминского месторождений в Иркутской области, а также Собинского месторождения в Эвенкии. Участвовал в разведке Среднеботубинского, Чаяндинского месторождений. Ну и с самого начала участвовал в проектировании, поисках и разведке уникальнейшего Юрубчено-Тохомского месторождения. Даже название ему дал не кто-нибудь, а мы с моим другом Львом Леонидовичем Кузнецовым — по двум речкам в Эвенкийском автономном округе.

Даже название ему дал не кто-нибудь, а мы с моим другом Львом Леонидовичем Кузнецовым — по двум речкам в Эвенкийском автономном округе.

Не сегодня-завтра эти месторождения начнут разрабатываться. Они будут поднимать экономику страны. И важно, что мне посчастливилось дожить до этого момента. Несмотря на все сложности состояния современной российской геологии, совершенно очевидно, в 2008–2010 гг. будут введены в разработку Талаканское

месторождение в Якутии, Верхнечонское в Иркутской области, чуть позже — Юрубчено-Тохомское в Эвенкии. Я верю, что уже в 2008 г. начнется разработка и Ковыктинского газоконденсатного месторождения.

Все они будут разрабатываться как минимум 25–30 лет. Многие месторождения Волго-Уральской области были открыты при участии Андрея Алексеевича Трофимука в конце 40-х — начале 50-х, а разработка их ведется до сегодняшнего дня, по сути, полвека... Месторождение — это ведь как живой организм: со своим детским возрастом, зрелостью и т. д. Когда его только вводят в разработку, нефти добывают мало. При полном освоении и правильной организации дела 8–10 лет стабильно добываются максимальные объемы, 3–5% в год от начальных запасов, а потом добыча начинает падать...

Процесс разведки, а потом разработки нефтегазовых месторождений должен быть непрерывным. Сейчас я со своими товарищами участвую в решении стратегических вопросов развития нефтегазового комплекса Восточной Сибири и страны в целом. Речь идет о проектах ввода месторождений в разработку, о подготовке документов, которые легли в основу ряда решений правительства. Обозначилась реальная возможность осваивать нефтяные и газовые месторождения с выходом на Азиатско-Тихоокеанский энергетический рынок. Правительство поручило подготовить проект освоения газовых

ресурсов в Восточной Сибири «Газпрому», а проектирование нефтепровода, на который будут нанизаны будущие месторождения, — «Транснефти». Эти проекты требуют экспертизы. Именно в таких рабочих группах, созданных при Министерстве промышленности и энергетики, участвуют вместе со мной сотрудники нашего института.

Ученый-геолог — как Ленин в Разливе

Нынешняя молодежь по понятным причинам не читает Ленина, но из среднего поколения, может быть, кто-то еще помнит предисловие к работе «Государство и революция». Ленин писал

его на Ладожском озере, в Разливе, где после июльского кризиса 1917 г. скрывался от Временного правительства. Поскольку он для себя решил, что в ближайшее время большевики должны прийти к власти, ему нужно было упорядочить свои представления о государстве с точки зрения марксизма. И тут неожиданно в его тексте появляется такая фраза: чем, дескать, теоретизировать о революции, лучше заняться ею непосредственно самому. Короче, мол, я оставляю эти записки и пошел...

Так и современным, государственному мыслящим ученым-геологам часто приходится оставить теоретические изыскания и направить свои усилия на выработку рекомендаций правительству, другим государственным структурам, администрациям субъектов Федерации, промышленным компаниям в области стратегии развития экономики. В моем случае — нефтегазового комплекса страны, теории и практики недропользования, разработки программ геологоразведочных ра-

бот, обоснования уровней добычи нефти и газа и многих других с позиций фундаментальной науки прикладных задач.

Это моя позиция, это моя боль. Меня цитируют: вот, мол, Конторович сказал: «Отечество в опасности», не преувеличивает ли? По объемам добычи нефти и газа мы одни из первых в мире... Нет, у меня были на то основания. Остаются и сейчас.

Ска-
жу так:
на уровне 400–450 млн
тонн в год Россия может до-

бывать нефть на континентальной части как минимум до 2030–2032 гг. При категорическом условии восстановления объема геологоразведочных работ. Мы неоднократно говорили об этом президенту и правительству, теперь эти мысли озвучивает и министр природных ресурсов Ю. П. Трутнев. Слышал я такого рода высказывания и от президента В. В. Путина: «проедаем», дескать, советские запасы. Действительно, 15 лет мы имитируем развитие отрасли, поскольку не ведем в необходимых масштабах геологоразведку.

Рассмотрим один аспект этой проблемы. Сегодня, когда цена на нефть большая, казалось бы, есть простор для того, чтобы стимулировать геологоразведку и развивать геологию, но наши мудрые финансисты создают так называемый стабилизационный фонд. Чем это для нас оборачивается? Поясняю. Если нефть стоит 25–26 долларов за баррель, то при этой цене налог на добычу полезных ископаемых в России сносный. А после 26 долларов за баррель (сейчас так определено законом) 95% выручки от продажи нефти государство забирает

себе.

Д о б ы в а т ь ,
говорит, ребята, добывайте,
но деньги отдайте в общий котел... Это будет
называться стабилизационный фонд. Хотя очевидно,
что какую-то часть из этих денег надо вложить в геологоразведку месторождения, в развитие отрасли, ее инфраструктуры или оставить их компании при условии, что она их направит на геологоразведку и будет открывать новые запасы. Этого нет, что является грубейшей стратегической ошибкой.

Много раз публично я утверждал: у России проблемы с подготовкой запасов существуют не из-за того, что недра наши скудеют. Конечно, они не такие богатые, как прежде, когда только начинали разрабатывать тюменский север, и, конечно, таких гигантов, как Уренгойское или Самотлорское месторождения, мы на суше, скорее всего, никогда уже больше не откроем. Но США практически всю вторую половину XX в. открывают только месторождения с запасами меньше миллиона тонн. А добывают почти столько же, сколько

и мы, —
из мелких
месторождений.

Подобное ожидает и нас, но для этого, повторяю
вновь и вновь, надо развивать геологоразведочные
работы.

После 2010–2013 гг., если не открывать и не готовить новые месторождения, добыча нефти начнет падать. Это неизбежно, мы это доказали и докладывали правительству еще в 1999 г. Шесть лет прошло, палец о палец никто не ударил. А недра у нас есть. Геологи есть. Мысль геологическая не оскудела. Но наконец, «потеплело». Последние, совсем недавние решения правительства свидетельствуют о том, что и наверху начали вполне реально представлять и осмысливать ситуацию. Хотя очень часто бывает, что решения принимаются хорошие

(за последние годы это случалось неоднократно), а потом... Ну, скажем, разработали мы в конце 90-х г. «Энергетическую стратегию России» (первую версию), а потом правительство про нее забыло и ничего для выполнения не предприняло. Сейчас создана вторая версия «Энергетической стратегии», и опять ее выполняют крайне скверно. Что касается нефти, выполняют по одному показателю — по добыче, а по глубокому эксплуатационному бурению, поисковому бурению, целому ряду других показателей не делается ничего. Так что нефть в недрах есть, а сумеем мы вовремя подготовить для разработки новые месторождения или нет — это вопрос.

Отечество в опасности

Почему возникли проблемы с геологоразведкой? Отнюдь не потому, что нефтедобыча сегодня в основном в руках частных компаний, которым, как считают многие, только бы «пенки снять».. Нет, так утверждать будет неправильно: некоторые наши нефтяные компании проводят геологоразведку очень активно. Пионером здесь является «Сургутнефтегаз». Там есть выдающиеся организаторы — президент компании доктор технических наук В.Л. Богданов и замечательный главный геолог — доктор геолого-минералогических наук Н.Я. Медведев. Там ведут геологоразведочные работы очень целенаправленно, профессионально и в больших объемах. К тому же параллельно растут новые кадры. У них есть свой огромный научно-исследовательский институт — в Тюмени, с филиалом в Сургуте.

Или компания «ЛУКОЙЛ». Мне удалось с нею познакомиться, когда она вела высокопрофессиональные работы в российском секторе Каспийского моря. Всегда считалось, что акватория эта не очень пер-

спективна, но вот геологам и геофизикам «ЛУКОЙЛа» удалось планомерно, по той системе, которая была создана в Советском Союзе, регионально изучить эту территорию, выделить нефтепоисковые объекты и в очень короткий срок открыть 6 крупных месторождений нефти и газа. И это, безусловно, хороший задел для того, чтобы сократить падение темпов добычи нефти в европейской части страны.

Есть и еще очень интересные работы (на мой взгляд, правда, они проводятся в недостаточных объемах), например в Обской губе их выполняет «Газпром». В Томской области и Эвенкийском автономном округе до известных событий очень плодотворно и эффективно работала компания «ЮКОС». Но последние события лишили ее этой возможности.

И я не могу тут не прокомментировать происходящее. Считаю: если владельцы и менеджеры компании провинились или не платят налоги, то, конечно, они заслуживают наказания. Я повторяю, ЕСЛИ... Это должен доказать объективный и беспристрастный суд — на сей счет существуют совершенно разные точки зрения. Но! Когда арестовали счета компании, тем самым с прошлого года заморозили геологоразведку. А это тысячи живых людей, которые получили заказы и должны были работать. То что все было вмиг остановлено, с моей точки зрения, просто преступление. На чиновниках, которые осуществляли эту акцию лежит вина: производственный процесс останавливать было нельзя.

Я мог бы и еще назвать хозяев, добросовестно выполняющих геологоразведочную составляющую своих

обязанностей. В их числе компания «РУСИАПетролеум», которая разведала в эти года гигантское газовое Ковыкинское месторождение и ряд других. Словом, вовсе не редкость, когда геологоразведочные работы проводятся сегодня толково и эффективно. Но, к сожалению, в объемах, совершенно недостаточных для экономики нашей страны. Вести разведку, по моему убеждению, должны все недропользователи — мы «подарили» им богатейшие месторождения, и они обязаны на те деньги, которые получают, выполнять весь необходимый комплекс работ. А государство должно управлять этим процессом.

Эффективный инструментарий для этого в новой редакции Закона о недрах предусмотрен, его нужно только приме-

тании повсеместного неукоснительного выполнения Закона о недрах с осознанной и четкой политикой государственных структур, ответственных за эту работу.

Пример. В Сибири десятки лет идут геологоразведка и нефтедобыча, но дорог у нас как не было, так и нет, и Западная Сибирь, по существу, — гигантское болото. Как в таких условиях должен работать геолог? Он должен заранее знать место, где будет бурить или проводить геофизические профили. И зимой, когда болота замерзнут, построить дорогу и завезти туда все необходимое: оборудование, горючее и т. д. У нас же теперь бывает так: 5–6 месяцев прошло, а план на текущий год все еще не утвержден. Хотя о том, что зимний завоз — это 90% плана, в Советском Союзе знал каждый грамотный инженер... Или, скажем, так: начинается январь, и чиновники неспешно начинают проверять, хорошо или плохо были в прошлом году подписаны договоры. А в это время люди на объекте сидят и ни рубля не получают. Им что, как медведю, лапу сосать?! Финансирование открывают в мае, июне, июле. Это безобразия.

Поэтому я продолжаю утверждать: Отечество в опасности, и ненамного меньше, чем это было два-три года назад. Да, принимаются целый ряд разумных решений. Но, во-первых, они точечные и не выстроены в систему. А во-вторых,

все решается и делается очень-очень медленно. С огромными проволочками. Между тем, есть такая вещь — фактор времени. Чтобы выиграть и победить, нужно быть в нужном месте в нужный час. Мы же очень сильно проигрываем во времени. На эксплуатируемых месторождениях добыча падает, надо открывать новые — мы этого не делаем. Короче говоря, нужны политическая воля и неукоснительное исполнение бюджета.

72
нять. Именно этого добиться не удастся. Хотя последние год-полтора Министерство природных ресурсов и Федеральное агентство по недропользованию, с моей точки зрения, работу в этом направлении существенно улучшили. Понятно, что на подобную систему недропользования страна переходила впервые в 90-е гг. XX в., люди не имели соответствующего опыта. Автоматически переносить в Россию американский, европейский или африканский опыт бессмысленно, поэтому страна нарабатывала свои подходы, сегодня они более-менее ясны. Но толк будет лишь при соче-

Кто пойдет искать нефть завтра?

Еще одна проблема сегодняшней российской геологии — кадры. Казалось бы, они у нас есть и их продолжают готовить. Но в последние годы значительная их часть уходит в банки, в бизнес, куда угодно, то есть в отрасль не попадает.

Да, собственно, и некуда попадать. Например, в Тюмени было нефтеразведочное управление «Главтюменьгеология» — крупнейшая в мире компания по поискам и разведке месторождений нефти и газа. Что с ней? Ее нет. Крупнейшие нефтегазовые предприятия были в Томской области, в Красноярском крае, в Иркутской области, в Якутии — их нет! В 1990-е гг. их ликвидировали, приватизировали, акционировали, разворовали...

Следовательно, деформировался и кадровый состав отлаженной некогда как часы мощнейшей геологоразведочной машины. Геолог, которому было 45 и который находился в расцвете сил, сегодня приближается к своему 60-летию, последние пятнадцать лет он не работал, значит, как профессионала мы его потеряли. А новый геолог — смена ветерану — он учится... Но учится в основном лишь теории. В Советском Союзе его обязательно посылали на практику, и к диплому он многое знал и умел. Сегодня ни одна компания не берет студентов на практику. А геолог не может состояться, если он не работает на обнажениях, в геологических экспедициях. Однако сейчас это стоит бешеных денег, ни у университетов, ни у научно-исследовательских учреждений их нет.

Правда, благодаря усилиям Сибирского отделения, его Президиума, мы очень много в этом плане делаем, и экспедиционная работа продолжается. Геологические отряды Объединенного института геологии, геофизики и минералогии СО РАН работают, ведут геологоразведку на всей территории Сибири: на Ямале, на берегу Северного Ледовитого океана, в Тикси, на Лене, в бассейне Оби и до самого юга. Это стоит огромных средств, но мы это делаем. Скажем, минувшей зимой один наш отряд (там были и студенты) два месяца отработал в Алтайском крае. И опять возникла проблема. Я как директор пошел на риск: не имея денег от алтайской администрации, провел экспедиционные работы. За них — а это два месяца в снегу и на морозе — надо хорошо платить. Я пообещал людям, а денег все нет и нет. Я, конечно, заплатил, но взял средства, что называется, из «зачатки»...

Прикладная и главная

И тут я должен сказать о самой что ни на есть «прикладной» стезе моей деятельности: ведь работу нынешнего директора института и директора института советского времени сравнивать невозможно. Почему? В то время мы должны были составить план работы института, отчитаться и получить деньги на будущий год под те задачи, которые должны выполнить. И дальше ты был уверен, что строго фиксированная зарплата (у доктора наук — 500 рублей, у младшего научного сотрудника — 105 рублей) придет день в день. И если ты задержишь ее выдачу, то это будет грандиозный скандал, которым займется партком и прочие... Задача директора вместе с ученым советом состояла в правильной постановке целей перед институтом и создании условий для научного творчества. Сегодня же директор института 70% времени тратит не на создание творческого процесса в коллективе, а на выбивание денег. Потом, когда выбил, тратит время на то, чтобы их проплатили вовремя. Ну и так далее. Суета сует...

Еще одно: сейчас затевается очередная реформа Академии наук и науки вообще. Это отнимает последнюю надежду на какую бы то ни было стабильность и нормальную плановую работу. Сколько помню, с того рокового 1991 г. мы

ежегодно проводим реорганизацию — все 14 лет. То одну, то другую, то третью! Работать некогда: едва вы приспособились к одной какой-то форме деятельности, ее обязательно меняют. У нашего геологического института в конце 1990-х и начале 2000-х было несколько источников финансирования. Во-первых, бюджет (самый ненадежный источник); во-вторых, заказы министерств; в-третьих, заказы субъектов Федерации; в-четвертых, заказы компаний... На это мы и ориентировались. Но с тех пор как г-н Кудрин стал министром финансов, источники эти стали катастрофически «вымываться». Раньше мы много работали с Минтопэнерго (так оно тогда называлось), пока у него все деньги не отобрали. Потом отобрали деньги у субъектов Федерации — все уходит в Москву, как в бездонный ящик. А ведь мы работали с ямальской, ханты-мансийской, томской, тюменской, красноярской администраци-

я ми ...

Из каких средств они будут теперь оплачивать наши разработки? Поэтому директору института все время приходится перестраиваться и подлаживаться, что, безусловно, создает дискомфорт. А «тропой заказов» ты идешь не один, за тобой коллектив — и от этого нестабильность становится мучительней.

Стараюсь относиться к этому спокойно: не я первый из геологов, кто «впряжен» в экономические проблемы. Это касается как попыток влиять на государственную политику или хотя бы общественное мнение относительно состояния и перспектив геологической отрасли, так и оптимального «сопряжения» деятельности нашего Института

с реалиями происходящего. Если вспомнить Андрея Алексеевича Трофимука, то экономическими, или иначе — государственными, аспектами геологии он занимался всегда. Это был по-настоящему крупный государственный деятель. И таких людей среди нашего брата-геолога я знаю много.

За примером далеко ходить не надо: Николай Леонтьевич Добрецов, выдающийся ученый, по существу принес себя в жертву Сибирскому отделению РАН. Вместо того чтобы вести новые научные исследования, он день и ночь, по сути, занимается административной деятельностью.

Конечно, это необходимо, и так

было всегда. Тот же Андрей Алексеевич Трофимук очень активно работал и всегда был нужен множеству людей. Ему уже было много за семьдесят, а он каждую неделю летал то к нефтеразведчикам, то в Москву, то по городам Сибири — неустанно, до тех пор пока инфаркт не лишил его этой возможности. Или Валентин Афанасьевич Коптюг. Круг его обязанностей, связей и ответственности был настолько велик, что, помогая людям, он сгорел, поистине как горьковский Данко.

...В общем, я прекрасно отдаю себе отчет: если бы я не занялся

разного рода прикладными аспектами любимой мной геологии, то, наоборот, жил бы спокойно. А как только ты уходишь в практику, и твоя работа эффективна, и ты нужен людям — неизбежно возникает состояние некой неудовлетворенности.

Да, я сейчас востребован и считаю, что если ученый никому не нужен, это плохо и неинтересно. Однако и та ситуация, в которой я сейчас оказался, ужасна. Очень трудно планировать свою научную работу, свою деятельность как руководителя, жизнь вообще. Когда-то в знаменитой книжке «Физики шутят» я прочел: что нужно сделать, чтобы стать настоящим ученым? — Научиться говорить «нет»! Но я усвоил это для себя раз и навсегда, пожалуй, только в одном отношении: если мне приносят статью, которую я не писал, а в списке авторов стоит моя фамилия, я говорю: «Нет, ребята! Помочь вам отредактировать — могу, но участвовать не буду...» В ситуации большой профессиональной и общественной востребованности надо бы, конечно,

от многого отстраниться. У меня это получается плохо. Но я думаю, так же плохо получается освободиться от каких-либо обязанностей и многочисленных обязательств и у Николая Леонтьевича Добрецова. Поэтому приходится заранее четко расписывать год, месяц, неделю, день, предельно скрупулезно планировать свое время. (Но и это не всегда получается: ты спланировал одно, а начинаются какие-то заседания, встречи, визиты.)

И при всей этой круговерти ученый не имеет права терять форму в основном виде своей деятельности — науке. Если он перестал работать в лаборатории и за письменным столом, он потерял форму...

У меня, как я уже говорил, был учитель, член-корреспондент АН СССР Николай Брониславович Вассоевич — один из самых выдающихся ученых в области геологии нефти и газа второй половины XX в. Он жил не так, как я, — совсем не занимался практикой, был чистым теоретиком, замечательным педагогом, заведовал кафедрой МГУ. У него был удивительный суточный график, которого я тогда не понимал: вставал в 4 часа ночи и работал до 8 утра. А потом начиналось все остальное — лекции, дела кафедры и прочее... В ту пору такой распорядок мне казался чудачеством, теперь я понимаю, что это было гениальное решение. Сейчас я встаю в четыре — полпятого и до семи часов (в восемь уже прихожу в институт) работаю. Куда бы я ни поехал, компьютер со мной, и этот режим я не нарушаю нигде.

Еще многое не написано, не сделано. Например, хотелось бы поплотней заняться организацией учебного процесса на кафедре в НГУ, написать несколько учебников и учебных пособий и власть почитать лекции. Но самое главное, что я любил всегда, — это работать с молодежью. В известной степени тут я рекордсмен: более 70 моих учеников защитили кандидатские диссертации. Я бесконечно возился бы с этими мальчиками и девочками, старающимися сказать свое слово в науке. Если бы у меня было время...

